

Она расхохоталась. Никодимъ Павловичъ посмотрѣлъ на нее и подумалъ: „хочетъ отъ счастья“. Она продолжала:

— Ѳеодоръ Игнатьичъ теперь погруженъ въ науку. Онъ изобрѣлъ новую операцію и хочетъ быть докторомъ хирургіи и профессоромъ. Никодимъ Павловичъ, послушайте! Вѣдь вы ничего не говорили маман?

— О чемъ?

— Все о томъ же!—отвѣчала она съ улыбкой.—Маман обѣщала пять тысячъ—помните, я просила васъ?..

— Я говорилъ, какъ же!—сказалъ Прягинъ, сильно краснѣя.—Я даже видѣлъ у Варвары Тихоновны цѣнныхъ бумагъ на пять тысячъ. Неужели не получили? Меня это очень тревожить, т.-е. я... да хотите, я сейчасъ поѣду къ Варварѣ Тихоновнѣ?

Раиса посмотрѣла на Прягина.

— Послѣ обѣда, Никодимъ Павловичъ. Маман, конечно, ждетъ, что я сама напомину ей. Мы съ вами поѣдемъ къ ней вмѣстѣ. Хорошо?

— Очень хорошо,—произнесъ Прягинъ, вытирая платкомъ свой большой красный лобъ.—Все это надо выяснить.

— Мнѣ потому нужны деньги, Никодимъ Павловичъ,—дружескимъ тономъ заговорила молодая женщина, слегка понизивъ голосъ:—что вѣдь у насъ дѣла не въ блестящемъ положеніи. У Ѳеди есть долги, надо платить проценты, и, согласитесь, Никодимъ Павловичъ, мои пять тысячъ были бы кстати. Вотъ два часа. Сейчасъ онъ придетъ.

Она вскочила, подбѣжала къ окну, посмотрѣла на улицу, по которой никто не ѣхалъ и не шелъ, и, извинившись, ушла въ столовую. Варя накрывала столъ.

Раиса Николаевна велѣла вынуть свѣжее, лучшее столовое бѣлье и принести изъ погреба винъ и солений. Хозяйничать и кормить гостей доставляло ей еще такое же удовольствіе, какое на первыхъ порахъ доставляетъ молоденькой дѣвушкѣ ношеніе длиннаго платья.

— Не забудьте, Варя, поставить зеленныя рюмки... Сложите салфетки лучше, да сбѣгайте на кухню и скажите Кузьмичу, чтобъ онъ влилъ въ супъ полъ-стакана мадеры.

Распорядившись въ столовой, Раиса Николаевна вернулась къ гостю. Онъ стоялъ, заложивъ руки назадъ, и смотрѣлъ въ окно.

— Что, нѣтъ Ѳедора Игнатьича?—спросила Раиса и сама безпокойно глянула въ окно.